

В глазах Фан Чжи выступила влага, словно его действительно продали. Полный обиды, он надул губы и смотрел на Сун Чэнцина. Слёзы медленно скапливались, стекая с уголков глаз на подушку. Сун Чэнцин отпустил его руку, взял его лицо в ладони и нежно облизал слезу в уголке глаза. Причмокнув, он произнёс:

— Солёная. Разве наш малыш не самый сладкий? Почему стал солёным? Может, от слёз?

Фан Чжи всё ещё молчал. Обычно самый разговорчивый, в это утро он превратился в маленького немого. Со слезами на глазах он протянул руки, чтобы обнять его за шею. Сун Чэнцин притянул его к себе, поцеловал и мягко успокоил:

— Не плачь, хорошо? Когда война закончится, я обязательно вернусь поскорее... Наш Сяо Чжи самый послушный, не плачь, ладно?

Но на войне мечи и копья не различают друзей и врагов. Каждое расставание перед походом должно восприниматься как последнее. Фан Чжи знал это.

В конце концов его успокоили. Он покорно кивнул в объятиях Сун Чэнцина, как ребёнок, вынужденный повзрослеть, больше не способный беззаботно капризничать и играть. Тот, на кого он опирался, всегда мог уйти. Скорее, это был не Сун Чэнцин, кто его успокоил, а сам Фан Чжи, который всё понял.

Все дела в армии были уже улажены. Завтра на рассвете нужно было отправляться в путь. Сегодняшний день был специально выделен, чтобы воины могли попрощаться с семьями.

Не удалось снова заснуть. Фан Чжи встал, всё ещё со слезами на глазах. Сун Чэнцин, как обычно, помог ему одеться и умыться, присел у кровати, чтобы надеть ему носки и обувь, и заботливо напоминал:

— Вечером не ленись с ножными ванночками. Я попросил Сун Хэ и старого управляющего следить за тобой. Лекарство, которое дал врач, я велел Сун Хэ каждый день нагревать в горячей воде и приносить тебе. После ванночки вытри ноги, прежде чем лечь в постель. Пусть слуги делают это, не ленись тратить на это время, слышишь?

— Слышу...

Тихо ответил Фан Чжи, послушно протянул другую ногу, чтобы надеть носок.

Сун Чэнцин, продолжая одевать его, снова заговорил:

— Через несколько дней станет жарко, не увлекайся холодной водой и льдом. С едой тоже будь осторожен. Если в жару не хочется есть, выбирай что-то лёгкое. Не передай в обед, иначе будешь сонным, живот вздуется, и снова заплачешь. Не рассчитывай, что я буду успокаивать тебя за тысячи ли. Ночью укрывайся одеялом, я велел Сун Хэ следить за тобой. Не ослушайся, понял?

Фан Чжи надул губы, позволил себя одеть и, с обиженным видом, протянул руки:

— Понял, обними...

Сун Чэнцин обнял его, посадил на мягкую скамью в наружной комнате и вытер ему лицо.

За завтраком Фан Чжи был вялым, как увядший цветок, опустив голову. Ел всё, что ему давали,

но был послушным.

В последний день они пошли в храм. На обратном пути увидели на рынке продавца сахарных фигурок и соседнюю лавку с погремушками. Фан Чжи, глядя на них, рассмеялся. Подняв глаза на Сун Чэнцина, он, вероятно, вспомнил их утренний разговор в постели. Это была первая улыбка с момента его пробуждения, и она заставила сердце Сун Чэнцина сжаться. Он, не обращая внимания на прохожих, наклонился и поцеловал его.

Фан Чжи покраснел, потянул его за руку, чтобы купить сахарную фигурку и погремушку. Взяв их в обе руки, он наконец развеселился. Сидя в карете на обратном пути, он прислонился к Сун Чэнцину и смотрел на пейзаж за окном.

Сун Чэнцин обнял его, поцеловал в макушку и спросил:

— Рад?

Как он мог быть рад? Но он всё равно кивнул. Сун Чэнцин, конечно, видел это. Обычно, выходя из дома, Фан Чжи был как выпущенная на волю птица, не мог усидеть на месте, болтал без умолку, доводя его до головной боли. Сегодня же он был тихим, как подмороженный баклажан, и улыбка была натянутой, чтобы не волновать его. Кто говорил, что Фан Чжи только капризничает и дурачится? Сун Чэнцин знал, что его Сяо Чжи умеет заботиться.

Они провели утро вместе, прогуливаясь. Вернувшись, пообедали, немного поспали, а потом Сун Чэнцин повел его на задний двор качаться на качелях. Когда не хочешь, чтобы завтра наступило, оно приходит быстрее. Сколько бы ты ни тянул время, прося небеса замедлить ход, оно всё равно проходит.

Вечером, после умывания, они легли в постель. Фан Чжи, весь день ведший себя послушно, наконец заплакал. Он обнял Сун Чэнцина, капризничал, и его никак не могли успокоить.

Сун Чэнцин был в безвыходном положении, его сердце сжималось от его плача. В конце концов он обнял его и поцеловал. Фан Чжи, всхлипывая, обвил его ногами, дрожащим голосом прошептал:

— Хочу.

Их поцелуй смешался с солёными слезами. Сун Чэнцин снял с Фан Чжи нижнюю одежду, стал ласкать его грудь. Она, казалось, стала немного больше, чем обычно, хотя это было незаметно на глаз, но на ощупь была явно мягче.

Сун Чэнцин, не задумываясь о другом, продолжал ласкать и шутил:

— Наш малыш, может, у тебя скоро будет молоко? Почему здесь так приятно?

Фан Чжи, хныкая, возразил:

— Врёшь...

Но его тело, вопреки его словам, выгнулось, чтобы подставить грудь, желая больше удовольствия. Сун Чэнцин наклонился и взял розовый сосок в рот. Нежная плоть быстро набухла, легко поддаваясь языку.

Оба соска поочерёдно попадали в тёплый рот. Фан Чжи не мог выдержать такого стимула. Его

маленькое отверстие внизу сокращалось, сжимаясь так, что он не знал, хочет ли он, чтобы что-то вошло или чтобы его нежно лизали. Он схватился за подушку, скомкав ткань, грудь выгнулась, и Сун Чэнцин, сжав её рукой, стал ласкать, жадно кусая и лизая уже покрасневший сосок.

От одного только ласкания груди Фан Чжи почувствовал, что не выдержит. Оргазм настиг его неожиданно. Сосок слегка приоткрылся, словно что-то пыталось выйти. Маленькое отверстие показало каплю молочно-белой жидкости, но оба не заметили этого, решив, что Фан Чжи просто слишком возбуждён из-за предстоящего расставания.

Сун Чэнцин, сделав пару глотков, даже не успел дотронуться до его нижнего отверстия, как Фан Чжи застонал и, выгнувшись, кончил. Давно не выпускаемая, густая сперма выплеснулась из его маленького члена, испачкав живот Сун Чэнцина.

Белое тело всё ещё дышало, грудь с покрасневшими сосками была развратно опухшей от укусов. Сун Чэнцин, замороженным видом перед собой, стал медленно целовать его вниз, пока не увидел маленький, уже мягкий член, с кончика которого всё ещё сочилась жидкость. Он осторожно взял его в рот.

— Аа!

Фан Чжи сжал ноги, но Сун Чэнцин раздвинул их ещё шире, широко раскрыв его тонкие ноги, обнажая промежность, и взял в рот самое чувствительное место.

— Ааа... ммм...

Перед глазами всё поплыло, узоры на балдахине стали размытыми. Фан Чжи крепко схватился за подушку у головы, всё удовольствие сосредоточилось внизу живота. Его отверстие стало горячим, и оттуда что-то текло, но он уже не мог думать.

Во рту Сун Чэнцина было слишком жарко. Он обхватил его недоразвитый член, кончик которого исследовал языком, словно пытаясь проникнуть в уретру. Лёгкая боль смешивалась с невыразимым удовольствием, заставляя его хотеть кончить, но в последний момент сильные руки сжали основание.

Фан Чжи заплакал, всхлипывая:

— Хочу кончить...

Сун Чэнцин, не отвечая, продолжал сосать его член, крепко сжимая, оставляя открытым только кончик, из которого сочилась жидкость. Он слизывал её, затем сильно сжал, и Фан Чжи не выдержал. Его ноги широко раздвинулись, он терся о постель, сжимая пальцы ног, словно сходил с ума от удовольствия, плача и умоляя.

Сун Чэнцин наконец отпустил его, одновременно сделав глоток, и вторая порция жидкости хлынула ему в рот. Лёгкий солоноватый вкус распространился по рту. Сун Чэнцин продолжал медленно сосать, пока Фан Чжи переживал оргазм.

Каждый раз, когда он делал глоток, Фан Чжи дрожал, подтягивая ноги, руки переходили от головы к бёдрам, не зная, оттолкнуть или обнять. Его мокрое отверстие внизу тоже не осталось без внимания. Когда язык проник внутрь, мягкие мышцы уже были готовы, цепко схватившись за него, сжимаясь слоями, не отпуская.

Сун Чэнцин рукой нащупал клитор, раздвинул половые губы, нашёл уретру и стал тереть её грубым пальцем.

<http://bllate.org/book/16757/1540584>